

УДК 811.163.1

Концепт творения и его реализация в церковно-славянских текстах

Кожина А.А.

Белорусский государственный университет

Статья представляет историю формирования концепта «творить» в исторической перспективе (на материале старославянских и церковно-славянских текстов). Особое внимание уделяется способам реализации данного концепта, который занимает особое место среди ментальных конструкций, связанных с представлением идеи божественного провидения в языковом образе мира средневекового человека, при помощи внутренней формы слова. Рассматриваемый концепт базировался, прежде всего, на представлении о разделении. Другие же его связи позволяют добавить в сеть концептуальных связей также значения воплощения, материальной реализации людей и предметов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, история языка, старославянский язык, церковно-славянский язык.

(Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 111–114)

Concept of Creation and its Realization in Church Slavonic Texts

Kozhinowa A.A.

Belarusian State University

The article attempts to show the history of formation of the concept of creation from the historical perspective (based on the material of Old Slavonic and Church Slavonic texts). The article focuses on the ways of realization of this concept. This concept holds a special place in the language picture of the world of medieval people and the mental constructions in their consciousness arising from their vision of divine providence and formed with the help of the inner shape of words. The concept was primarily based on the idea of separation. Its other associations included such concepts as incarnation, material realization of people and objects.

Key words: cognitive linguistics, concept, history of language, the Old Slavonic language, the Church Slavonic language.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 27. – P. 111–114)

Концепт мыслится ядерным понятием парадигмы когнитивной лингвистики, где под ним в наиболее общем смысле понимается «инвариант различных явлений, преломленных в языке» [6, с. 63]. В этом контексте он определяется как явление, отличное от значения и от понятия. С одной стороны, концепты могут определяться как ключевые термины культуры [3, с. 3]. В этом случае – в представлении группы «Логический анализ языка» – концепты являются посредниками, помогающими осмыслить взаимоотношения человека с природой и окружающими его людьми. Они организуют обыденное сознание и вбирают в себя языковое значение как основное, но не единственное свое содержание.

С другой стороны, при рассмотрении концепта как отдельного явления ему может также отводиться

особое место в структуре человеческого сознания и когнитивной деятельности. При этом происходит дифференциация терминов «концепт» и «понятие»: в том числе концепт отграничивается и от наивно-го, обыденного понятия: «Основа понятия – логическая, рациональная и в том случае, если оно научное, и в том случае, если оно наивное... Основа концепта – сублогическая. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество коннотативных элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» [12, с. 21].

Кроме того, по мнению В.А. Масловой, структура концепта включает помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им: ассоциации, эмоции, оценки,

национальные образы и коннотации, присущие данной культуре [7, с. 36]. Такое представление концепта кладет в его основу культурно-обусловленное представление человека о мире.

Материал и методы. Одним из оснований концепта является внутренняя форма слова. Еще А.А. Потебня определял ее как основу формирования понятия [9]. Эта идея находит отклик и в современных исследованиях. Так, например, В.В. Колесов полагает, что «концептуальное значение исходно может быть связано с этимологией слова (= результат предыдущих движений смысла, дошедший до нас)» [5, с. 34]. Далее движение смысла идет через психологическое представление, логическое понятие, культурный символ к высшей точке – «чистой ментальности концепта».

Соответственно, представление о концепте можно составить, анализируя внутреннюю форму слова, а также возможности ее реализации в текстах, ср. мнение А.А. Потебни о том, что народ в своем творчестве руководствовался не поиском новых восприятий, а стремлением возродить забытую этимологию, воплощая ее в текстах. Так, постоянный эпитет *берег крутой* возможен благодаря наличию у слова *берег* внутренней формы 'гора' [9, с. 199]. В данной статье опыт построения подобного концепта будет проводиться на материале церковно-славянских текстов, поэтому выбирается концепт, для реализации которого в подобных текстах имеется наибольшее количество возможностей – концепт творения.

Результаты и их обсуждение. Внутренняя форма лексемы *творити*, которая в церковно-славянских текстах создает основу концепта творения, восходит к и. -е. **tuer-*: *tur-* со значением 'хватать, окаймлять, обносить забором'. Она имела все возможности реализоваться в церковно-славянских текстах, оказавшись достаточно устойчивой, – по крайней мере след от нее сохранялся до недавнего времени в современных славянских языках при обозначении процесса изготовления из дерева и мастера, который осуществляет этот процесс: н.-луж. *twarcowas* 'плотничать', *twarc* 'плотник', *twaris* 'строить, сооружать' при *tworis* 'творить', пол. диал. *tworca* 'плотник'. Эта этимология находит в церковно-славянских текстах свое выражение, прежде всего, в именовании различного рода ворот, запоров и т.д. в оградах-оплотах. Здесь следует сказать, что «слово *оплот* в старославянском языке обозначало 'плетень, забор, ограду, стену'. С тем же значением оно было воспринято и древнерусским языком» [4, с. 410]: *человѣкъ нѣкто домовитъ бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и створи врата* (Кир. Тур. 1, с. 341). Обратим также внимание на то, что врата в оплоте-заборе, которые могут быть *затворены* или *незатворены*, именно творятся,

ср. рус. *отворить, затворить, притвор, затвор*, а также в русских диалектах *творило* 'вход, лаз с крышкой; отверстие в ловушке на рыбу' (СРГСУ, 80), также пол. диал. *tworzytko* 'широкая бочечка на масло, плотно прикрытая крышкой'. Кроме того, слово *затвор* в церковно-славянских текстах обозначало специальные ворота в мельничной плотине, ср. *великии гсѣбрь... указаль на нижнюю зеленую мельницу к плотинному дѣлу да къ вѣшницамъ и къ затворамъ взать ись конюшенного приказу с лековыхъ конюшен сто возов свѣжсего навозу* (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 315). *Затвором* могла называться и ограда вдоль крутого берега озера или реки: *к озеру Глушице, что в Муромскомъ уѣзде, по обѣ стороны съ приверхи и с ыстоки затворами дано к берегамъ земли... пл десяти сажен* (там же).

Идея постройки, заложенная в этимологии рассматриваемых лексем, находит свое выражение в представлении человеческого тела как города – *градъ убо есть, братье, съставление чловѣчьскаго телесе* (Кир. Тур. 1, с. 348); *нашего бо телесе ставленъ Иерусалимъ речеться* (Кир. Тур. 2, с. 411). Эта идея принадлежит не самому Кириллу Туровскому, из произведений которого были извлечены приведенные цитаты. Уже в Священном писании встречается представление города-девы (Иерусалим) и города-блудницы (Вавилон) [10]. Вообще же сопоставление творения и обработки дерева находит весьма интересное выражение в апокрифических Евангелиях: «Апостол Филипп сказал, что Иосиф, плотник, посадил сад, ибо нуждался в деревьях для своего ремесла. Это он создал крест из деревьев, и семя его было подвешено к тому, что он посадил. Его семя было Иисус, а посаженное – крест» [2, с. 287]. Идея об Иисусе как плоде дерева-креста в несколько смягченном виде находит выражение в проповедях Супрасльского сборника, например: *ста дрѣво крѣстноуе / на немъже пропльма* (здесь переводчик под влиянием темы смешал глагол *пропльма* 'пронзить' и *пропльма са* 'распростереться, обвиться', см. замечание С. Северьянова) *истинънии виноградъ глаголаи • азъ ксѣмъ виноградъ • и бысть диаволу лоза смъртьнаа • и намъ лоза животъна* (Супр., с. 353).

Здесь очевидна связь с рождением. Еще более очевидной она становится в выражении глаголом *сътворити*: *И по двою лѣтѣхъ умре Синеусъ и братъ его князь изборскыи Труволь, оба умроша не сътворше съмени* (Псковская летопись, XV в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 26, с. 236). Эта же идея творения-рождения экстраполируется на создание Господа всего мира и человека в нем: *ты еси црѣ всѣмъ единъ и сътворивъ всему миру* (Александрия, XV в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 236). Следует также отметить, что однокоренным словом – *затворами дѣвства* или *дѣвическими* – в церков-

но-славянском языке именовалась девственная плева, и Создатель рождался, не повредив ее: *затвори дъвицьскыхъ не вргдвѣ въ рождѣствѣ си* (Канон на св. Пасху, XII в.) (СлРЯ XI-XVII вв. 5, с. 316). И наоборот – сочетание *затворити ложе, утробу* означало ‘сделать бесплодной’: *Рахили же бѣгъ затвори утробу, не раждаше дѣти* (Палея, XVI в.) (там же).

Возвращаясь к самой внутренней форме лексемы творити, можно сказать, что она указывает на ограничение и разделение, и именно эти идеи реализуются и в тексте – ср. закрытие ворот, обнесение оплотом-забором, затворение родовых путей. Свое продолжение они находят в представлении о внешнем покрове человеческого тела – коже, шкуре. Так, слово *шкура* происходит от и.-е. корня **skr-* ‘отделяю’ (Черн., с. 416), ср. также авест. *car man-* ‘кожа, шкура’, др.-прус. *kérmens* ‘тело’, ср.-ирл. *scem* ‘поверхность, кожа’, соотносимые со ст.-сл. *крьма* ‘руль’ (как ‘*отрезанный брус’), *кромъ* ‘кроме, вне’ и т.д. [8, с. 21].

Это представление о внешнем покрове, создающем черту разделения внутреннего и внешнего мира, реализует в текстах лексема *плоть* и ее дериваты, тесно связанные с идеей творения, а именно воссозданием Богом себя в человеческом образе – *снъ божишъ яко члвкъ въплътиса* (Патерик Синайский, XI – XII вв.) (СлРЯ XI-XVII вв. 3, с. 25). О том, что *плоть* – это внешняя оболочка, пустая внутри, свидетельствуют многочисленные сравнения ее с одеждой, встречающиеся, например, в молитвах Кирилла Туровского, – *раздравъ первую боготканную ми одежду и осквернивъ плоти моея ризу* (Кир. Тур. 3, с. 238) и *милостивъ бо еси чловѣколюбецъ плоти нашеа общникъ, въ ню же одѣваясь, чловѣкъ обожил* (Кир. Тур. 3, с. 345). Кроме того, Господь, сходя с небес, вселяется в пустую *плоть* – *сниде бо и вселиса въ плоть чловѣчю* (Кир. Тур. 1, с. 341). В самой внутренней форме лексемы *плоть* отсутствует указание на разделение (**plъtъ* ‘наплыв, наплывшее, натек’ [Трубачев 1994, 9]), однако дальнейшее значение деривата *плотный* ‘крепкий, прочный’ роднит ее с лексемой *твердый*, происходящей от того же и.-е. корня **tuer-* *tur-*, что и *творити*.

С творением, равно как и с концептуальным отношением разделения и разрушения, связана и лексема *образъ* – *нъ и такъ творил члкъ подражаетъ творьца акы образъ прьвообразное* (Изб. Св. 1073, с. 131 об.). Первоначальное представление, легшее в основу ее значения, можно определить как представление о чем-то обрезанном, т.е. отделенном от остальной части, о том, что возникает в результате круговой обработки. Но в то же время это своего рода форма, которая накладывается при творении: как при создании человека – *образъ Бога* (*ѣже на все образъ намъ бываа, и бѣаше отходъ в пустыню и молитву дѣа*

(Пандекты Антиоха) (СлРЯ XI-XVII вв. 12, с. 134-135)), так и при воплощении Господа – образ человека для позднейшего человеческого спасения (*и сообразенъ бивъ телеси смирения нашего, да ны сообразны слава своа створиши* (Кир. Тур. 3, с. 333)). Такое понимание образа корреспондирует со значением ц.-слав. *творъ* ‘форма’, ср. рус. *творог* как аналогия франц. *fromage* ‘сыр’ при лат. *forma*.

Но образ – это не просто форма, а форма, придающая вид иному предмету, ср. *образъ и подобие*. Кстати, ‘вид’ и ‘форма’ – значения греческих лексем *εἶδος* и *μορφή*, переводимых как *образъ* в славянских текстах [4, с. 752]. В пользу функционального сходства лексем *образъ* и *видъ* говорит также сопоставление блр. *абразиць* и рус. *обидеть* (*об-видеть*) с одинаковым значением. Здесь мы снова приходим к представлению о некоторой внешней оболочке, о видимости.

Можно ли предположить, что в конечном итоге творение – это также стремление к созданию видимого продукта, «обналичиванию» невидимого? Определенные основания для этого есть. Во-первых, обращает на себя внимание значение блр. *твар*, польск. *twarz* ‘лицо’ (ср. также блр. диал. *образека* (ТС, с. 233) с тем же значением и рус. *образина*). Очень интересная параллель получается при рассмотрении рус. диал. *ружа* ‘внешность’. Существует предположение, что эта лексема связана с праслав. **rugja* ‘стянувшаяся, тугая, т.е. крепкая твердая (земля); *твердь* [1, с. 71]. Далее, находятся очень интересные соответствия в значении рус. диал. *образовать* и *отворить* – оба они обозначают ‘обмануть’, с этим сравнимо *обвидеться* ‘обознаться’, т.е. также ‘обмануться’ (СРНГ 22, с. 9, 192; СРНГ 24, с. 148). В свою очередь, *образоваться*, *отворять*, *оказываться* имеют значение ‘начать / начинать’, притом, что основное значение *оказываться* – это ‘иметь тот или иной вид’ (СРНГ 22, с. 108, 193, 1989, 148).

В церковно-славянских текстах наиболее отчетливо представление о том, что сотворенные божественные чудеса, в том числе и само чудо творения, необходимо сделать явными, очевидными для всех, выражено в слове «В Новую неделю». Воскресая, Христос является апостолам – *въскре ѿ мртвыхъ и явиса оучнкмъ своимъ* (Нестор, Сказание о Борисе и Глебе) (Срезн. с. 1634). По сути дела, деятельность Христа на земле заключалась и в том, чтобы очевидными поступками доказать существование невидимого Бога и его труды по сотворению мира и человека – *вижь, како показатъ своего божества исконнаго дѣла образъ, тако бо и въ начало твари възъмъ персть отъ земля и створи чловѣка* (Кир. Тур. 2, с. 336). Идея о необходимости связи видимости и творения подтверждается также

и тем, что творимое Иисусом именуется *чудо* – *видгъвьше же архиереи и кънижници чоудеса, иаже створи Иїсъ* (Остр., Мф. 21: 15), ср. композиты *чудотворнии* и *чудотворьць*. Лексема же *чудо* ведет свое происхождение от глагола *чути*, родственного др.-инд. *kavis* ‘мудрец, ясновидец’, англ.-сакс. *hāwian*, др.-в.-н. *scoiwōn* – все со значением ‘смотреть’ (ЭССЯ 4, с. 135). Видимо, в данном случае следует говорить о бессознательном воплощении в тексте внутренней формы, созданной тысячелетней работой человеческого сознания, обнаруживающего сходство между предметами, явлениями и процессами.

Заключение. В заключение можно сказать, что при анализе слов, обладающих внутренними формами, связанными между собой и реализующимися в тексте, создается нечто наподобие когнитивной области, которая объединяет функционально схожие языковые единицы. Такая когнитивная область выгодно отличается от других возможных группировок лексем в пространстве текста, поскольку она создается не на основании словарных дефиниций, которые несут на себе отпечаток сознания автора словаря, но на связях и отношениях, которые могут, как представляется, отражать коллективный разум носителей языка того времени, когда создавался исследуемый текст.

Источники и сокращения

Изб. Св. 1073 – Изборник Святослава. Факсимильное издание. Кн. 1 / ред. Л.П. Жуковская. – М.: Книга, 1983. – 360 с.

Кир. Тур. 1 – Кирилл Туровский. Творения / Публ. И.П. Еремина // Тр. отд. древнерус. лит. – 1956. – Т. 12. – С. 340–354.

Кир. Тур. 2 – Кирилл Туровский. Творения / Публ. И.П.Еремина // Тр. отд. древнерус. лит. – 1957. – Т. 13. – С. 409–411.

Кир. Тур. 3 – Kirill von Turov. Gebete. Slavische Propylaen. – 1965. – Bd. 6. – С.235–351.

Остр. – Остромирово Евангелие, факсимильное воспроизведение памятника, хранящегося в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград: Аврора, Москва: Издательский отдел Московского Патриархата, 1988. – 589 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров среднего Урала. Т. 6 / гл. ред. П.А. Вовчок. – Свердловск: Изд. Уральск. ун-та, 1987. – 160 с.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. : в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2015. – 30 вып.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1912. – Т. 3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – Л.: Наука, 1965 – (Изд. продолжается).

Супр. – Супраслски или Ретков сборник: в 2 т / ред. Й. Заимов, М. Капальдо – София, 1982–1983. – Т. 1–2.

Черн. – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. Т. 2. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – 560 с.

ТС – Тураўскі слоўнік. Т. 3 / рэд. А.А. Крывіцкі. – Мн.: Навука і тэхніка, 1984. – 331 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд : в 40 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974–2016. – 40 вып.

Литература

1. Аникин А.Е. К семантическому анализу некоторых славянских слов / А.Е. Аникин // Этимология 1982 / ред. О.Н. Трубочев. – М.: Наука, 1985. – С. 65–82.
2. Апокрифы древних христиан / ред. А.Ф. Окулов. – М.: Мысль, 1989. – 336 с.
3. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Культурные концепты / ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. – С.3–6.
4. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. М.: Толк, 1994. – 1138 с.
5. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В.В. Колесов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. – Сер. 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16. – С. 30–40.
6. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // Вопр. языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–86.
7. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
8. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. [Ст.] 7 / И.П. Петлева // Этимология 1976 / ред. О.Н. Трубочев. – М.: Наука, 1978. – с.42–51.
9. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – С. 9–221.
10. Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста / ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1987. – С. 121–132
11. Трубочев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода / О.Н. Трубочев // Этимология 1991–1993 / ред. О.Н. Трубочев. – М.: Наука, 1994. – С.3–23.
12. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1996. – № 6. – С. 20–41.

Поступила в редакцию 17.12.2018 г.